

Бай Юй смотрела на блокнот сосредоточенно и серьёзно. Ладонь мягко скользнула по обложке, словно она хотела стереть и перекрыть весь след, оставленный прикосновением Мяо Юэ.

Но это движение продлилось лишь миг. Очень быстро Бай Юй снова стала мягкой и кроткой, как нежный жасмин на ветке: ещё не раскрывшийся бутон уже исподволь источал аромат.

Ци Гу подошёл и встал между Бай Юй и Мяо Юэ, совершенно не заметив краткой вспышки эмоций на лице учительницы. Он протянул руку:

— Можно посмотреть?

Улыбка Бай Юй чуть исказилась, но блокнот она всё-таки отдала.

Ей не следовало оставлять его здесь. Но она привыкла, что на этом месте должно быть что-то принадлежащее ему.

Привыкла к тому, как после уроков дети шумно собирались в кучки, а она садилась рядом с Фан Юаньваном за парту и вместе с ним разбирала планы занятий: где нужно что-то поправить, где можно сделать лучше.

В те дни летний зной смешивался с запахом травы, а их с Фан Юаньваном отражения ложились на оконное стекло, словно пара влюблённых птиц, прижавшихся шеями друг к другу.

Бай Юй очень дорожила такими мгновениями и снова и снова поглядывала на стекло, пока не отпечатала в памяти каждую мелочь.

— Учительница Бай и учитель Фан встречались? — спросила Мяо Юэ.

— Н-нет. Мы ещё официально не были вместе. — Бай Юй слегка смутилась, щёки порозовели.

— Значит, чувства были взаимными, — сказала Мяо Юэ. — Жаль только, что Небеса решили вмешаться и насильно разорвать такую пару.

Лицо Бай Юй из красного стало белым. Она с трудом изобразила согласие.

Ци Гу закончил читать блокнот и убедился, что тот действительно самый обычный, без каких-либо тайн.

— Тогда мы пойдём. Не будем мешать учительнице Бай продолжать занятия.

Бай Юй кивнула ему, а затем приветственно склонила голову в сторону Фан Хэна.

Фан Хэн тоже ей улыбнулся. Было видно, что он плакал, но выражение лица оставалось довольно мягким.

Свет уступал тьме. Когда солнце опустилось за горизонт, темнота снова поднялась и заняла землю.

В сумерках, когда день ещё не до конца погас, группа шла по деревенской дороге, обмениваясь собранной информацией.

Фан Хэн сказал:

— В комнате всё очень чисто, явно убирали. Вещи разложены так, как привык Юаньван, ничего подозрительного... Похоже, между учительницей Бай и Юаньваном было что-то большее, чем просто отношения коллег. По-моему, они нравились друг другу. Если... если Юаньван сможет вернуться к жизни, а они потом станут парой, это было бы лучше всего...

□Я тоже это заметила. Они и правда выглядели влюблёнными. Человека нет уже год, а она всё ещё не отпустила.□

□И ведь они даже не успели признаться друг другу. Какая жестокость... такое навсегда останется занозой в сердце.□

□Надеюсь, Гугу сможет вернуть Юаньвана к жизни.□

Пока комментарии один за другим сожалели об их несчастной любви, Ци Гу внезапно сказал:

— Хуже этого ничего и быть не может.

□???□

□В смысле?□

□А?□

Экран мгновенно заполнили вопросительные знаки. Ци Гу посмотрел на Фан Хэна:

— Сейчас часть души Фан Юаньвана у меня. Я вижу, что между ним и Бай Юй нет нити брачного союза. Есть только нить вражды, ведущей к убийству.

□Спасибо. Мой романтический мозг вылечен окончательно.□

□Нет, ну это...□

□Чёрт. Я думал, это разлучённые влюблённые, а ты одним прыжком перемотал сюжет до криминальной хроники?!□

□Спасибо, Гугу. Больше никогда не буду страдать любовным безумием.□

После этих слов выражение Фан Хэна становилось всё более потрясённым. В конце концов он вообще забыл обо всём остальном:

— Душу... душу Юаньвана нашли? Уже? Так быстро?!

Вот это скорость у мастера Ци!

— Только часть. Нужно найти остальные части души и тело, тогда его можно будет вернуть к жизни, — сказал Ци Гу. Он не любил открывать шампанское до финального свистка.

Пока он не убеждался в чём-то окончательно, говорить об этом не спешил.

— Но это уже треть! Мастер Ци, вы и правда невероятны! — Фан Хэн пришёл в такое возбуждение, будто одна треть уже сама по себе была победой.

Раньше ведь не удавалось найти даже обломка кости.

Мяо Юэ быстро приняла вывод Ци Гу:

— Тогда почему Бай Юй ведёт себя так, будто любит Фан Юаньвана? Какую пользу ей даёт этот спектакль? Отвлекает наше внимание и снижает подозрения? Но тогда она должна была сделать так, чтобы все дети выглядели совершенно нормально и не оставили ни единой зацепки. А сейчас дыр в её истории столько, что всё буквально разваливается.

— Пока неизвестно. Нужно больше улик. Но деревенские события точно с ней связаны. К тому же она практик и скрывает свои настоящие способности, — сказал Ци Гу.

Обычного практика Бай Юй, скорее всего, сумела бы обмануть. Но Ци Гу видел то, что было ближе к самой истине: тонкие нити причин и следствий между людьми, доступные только его глазам.

Мяо Юэ прежде чаще брала задания из категории «достал меч — руби», где вся суть сводилась

к чистому боевому удовольствию. От такой тёмной интриги у неё мозг слегка заклинило, и она машинально предложила:

— Может, я прямо сейчас пойду и зарублю её?

Представив, что кадры могут выйти слишком кровавыми, Мяо Юэ великодушно махнула рукой:

— Камеру за мной не несите. Скоро ужин, вдруг зрители после такого есть не смогут.

□Сестрица, я сейчас расплачусь.□

□Какая же она добрая! Уже собралась рубить злого практика, а всё ещё думает, смогут ли зрители потом нормально поужинать.□

□Оператор: а я что-то не припомню, чтобы вообще хотел туда идти.□

— ...Мы ещё слишком многого не знаем, — сказал Ци Гу. — Если её сейчас бездумно зарубить, это помешает узнать правду.

Мяо Юэ разочарованно вздохнула:

— Тогда пока оставим.

Вид у неё был такой, будто в тот самый миг, когда «пока» закончится, она тут же пойдёт рубить человека.

Линь Ханьчжи прикрыл лоб рукой и слегка пошатнулся.

В каком месте его воспитание свернуло не туда? Как он умудрился вырастить такую отчаянную дочку?

Неужели дело правда в нём? Да быть не может.

И тут Пубу Гэсан устался на магазинчик у въезда в деревню и вдруг сказал:

— Интересно, конфеты в этом магазине ещё можно есть или уже нет?

Он давно не ел сладкого. Для ребёнка это было по-настоящему жестоко.

Линь Ханьчжи получил второй удар:

— ...

Чёрт побери, похоже, проблема и правда была в нём. И дочка, и сын выросли такими же придурками. Может, ещё не поздно их потерять и вырастить двух новых?

Вот у Ци Гу Му Синчэнь хоть и глуповат, зато послушный. От зависти Линь Ханьчжи чуть кровью до небес не плюнул.

Ци Гу заметил, что тот пошатывается. Учитывая его привычную бледность, он решил, что Линь Ханьчжи снова сейчас потеряет сознание. Ци Гу поспешно обнял его за пояс, ладонью поддерживая сбоку.

— Где тебе плохо?

На этот раз Линь Ханьчжи и правда не собирался изображать слабость. Всё-таки вопрос воспитания детей был серьёзным.

Но встретившись с тревожным взглядом миндалевидных глаз Ци Гу и услышав его чуть смягчившийся голос, Линь Ханьчжи инстинктивно обнял рукой его тонкую белую шею. Кожа под пальцами была тёплой и гладкой.

— Не знаю, наверное, перегрелся. Голова немного болит. Дай я чуть-чуть на тебя обопрусь.

Он сказал это тихо, почти у самого уха Ци Гу.

На самом деле раны от разрыва души невозможно было вылечить больничным оборудованием. В больнице залечивали только физические повреждения.

Но он всё-таки Линь Ханьчжи. Даже терпя боль разорванной души, он умудрялся ярко улыбаться, время от времени изображать перед людьми безобидную слабость и вести себя так, будто ничего не происходит.

То недавнее покачивание случилось не только потому, что его добили непутёвые «сын» и «дочь». Боль тоже внезапно усилилась.

— Правда, просто дай мне немного опереться — и всё пройдёт. Раньше, когда хотелось на кого-нибудь опереться, всё равно было не на кого.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949067>